

Круглый стол "Возможна ли "колонизация" пространства?"

Осенью 2020 г. во Владивостоке и в Хабаровске состоялся методологический круглый стол, задача которого – обсудить систему взглядов Александра Эткинды на существо колониальности, проанализировать одно из центральных понятий, используемых Эткиндой во многих штудиях, "внутренняя колонизация", оценить границы применимости этого понятия.

Первое заседание круглого стола прошло на площадке Приморского государственного объединённого музея им. В. К. Арсеньева (Владивосток).

В. Н. Бочарников (ТИГ ДВО РАН, Владивосток) определил тексты А. М. Эткинды как историко-литературный дискурс с элементами политико-культурно-этнических интервенций и указал на два аспекта. Первый: рассматривая понятие "колонизация", неважно в каких формах и форматах терминологического возможно его приложение, необходимо начать с термина "освоение". Второй: А. Эткинд неоднократно указывает, что рассуждает с позиций исторического и культурного подходов и именно с такого видения обосновывает "зловредность" существования империй во все времена, в т. ч. убеждая читающих в том, насколько периферия зависима и, как следствие, "страдает" от произвола элит. Колонизация может быть помещена в структурность процессов освоения территории, но понимание их пространственно-временных особенностей обусловлено (особенно при сравнении) широкой картиной развития "того общества", "того государства", "тех элит" и никак иначе. Только на этом фоне могут быть представлены детали появления новых и совершенствование существующих способов использования всех имеющихся ресурсов, в том числе природных. Представления о том, что и как подлежит освоению, а следовательно, и преобразованию, отличаются даже у различных представителей осваивающей стороны, которая открывает для себя новую, в целом ей пока малоизвестную территорию. Здесь много можно действительно привести примеров по освоению Сибири и Дальнего Востока.

А. Н. Демьяненко (ИЭИ ДВО РАН, Хабаровск) сконцентрировался на критике понятийной системы А. Эткинды, который очень выборочно опирается на историю знания о колонизации, из отечественных классиков дальше А. Щапова не идёт, оставляя без внимания работы В. Воцинина, А. Воейкова и многих других отечественных исследователей, и очень вольно интерпретируя А. А. Кауфмана. Кто же является источником вдохновения Эткинды? Это Э. Саид, Х. Бабха, Г. Л. Гейтс и Г. Спивак, постколониальные идеи этих авторов следует тестировать на материалах российской истории: "мы сосредоточиваем внимание прежде всего на описанных ими колониальных и постколониальных формах коммуникации между людьми, общественными группами и политическими акторами и на культурном значении этих форм". Исследование крайне сложного социального феномена предполагает междисциплинарный подход, а вместо этого Эткинд предлагает инструментарий из культурной истории, обозначая его как метафорический подход. Исторический материал, имеющий отношение к российской колонизации, требует междисциплинарности, его невозможно втиснуть в рамки культуральной истории. И тогда А. Эткинд обращается к фактам российской экономической и политической жизни, выводя из неё понятие внутренней колонизации. "Внутренняя колонизация означает процесс культурной экспансии, гегемонии, ассимиляции в пределах государственных границ, реальных или воображаемых". Но в то же самое время автор утверждает, что ситуацию внутренней колонизации в России породила, причём задолго до нефти и газа, ресурсная зависимость. Понять такого

рода причинно-следственные связи трудно. И отсылка к "новейшим идеям институциональной политэкономии", которые автор соединяет с "забытыми интуициями Афанасия Шапова", ничуть не проясняют ситуацию.

На взгляд А. А. Киреева (ДФУ, Владивосток), работы А. Эткинды интересны прежде всего как зеркало состояния современного общественнознания. Социальная наука присутствует в его работах одновременно во множестве трактовок – от классической историко-филологической герменевтики до новейшего постнеклассического натурализма. Однако никакой стратегии "колонизации" и упорядочения этого пространства автор не предлагает. Постколониальная (или постнаучная?) разногласия мнений, ценностная ацентричность и методологический эклектизм, кажется, принимаются им как данность, если не как должное. Хотя своя, предпочтительная "оптика" разглядывания общества у Эткинды всё же есть. С какой бы стороны автор ни подходил к изучаемому объекту – для него он в первую очередь является продуктом письменной коммуникации: Эткинд работает с текстом и внутри текста, вопрос о его отношении к внетекстовой реальности, его достоверности всерьёз не обсуждается. Отсюда и способ исследования: автора интересуют не проблемы, а темы и сюжеты, он ищет не факты, а сообщения, использует не понятия, а метафоры, выявляет не причинные связи, а смысловые ассоциации, и выводит читателя не на объяснения, а на оценки. По сути, цель автора – возможно более эстетически и риторически убедительно осудить колониальное зло и повинные в нём конкретные государства.

Я. А. Барбенко (ДФУ, Владивосток) обращает внимание на набор понятий и метафор, с помощью которых автор в работе "Природа зла" анализирует пространственные отношения: "территоризация насилия", "имперская (т. е. на расстоянии) политика", "колониальные (т. е. удалённые, предназначенные для других) методы интенсификации труда", "местное (т. е. дифференцированное пространство) знание", "призрачные (удалённые) акры" и так далее. Данный словарь позволяет описывать пространственные отношения, но автор их использовал для того, чтобы описывать отношения, формирующиеся вокруг ресурсов, их добычи, обработки, распределения, перераспределения; при этом пространство имеет значение: оно отделяет, отдаляет, затрудняет доступ. Формулирование категории "колония присутствия", то есть "пространство как ресурс" на базе словаря и логики Эткинды – насилие над познавательным аппаратом, призванным описывать совсем другие отношения; теперь пространство выступает не как фактор, но как объект. Простое решение этого вопроса заключается в том, что пространству к функциям фактора работы с ресурсами можно прибавить функцию ресурса, тогда использование пространства можно представить в виде стремления и удерживания "естественных границ", а основным интересом и способом потребления такого ресурса будет военный интерес и военный способ. Таким образом мы приходим к логике "колонии присутствия": потребление Дальнего Востока выступает в форме отодвигания границ от центральной части государства и удерживания любого противника на расстоянии.

По мнению В. Н. Карамана (ПГОМ им. В. К. Арсеньева, Владивосток), строя свою теорию колонизации, Эткинд разбрасывается материалом, т. е. он больше ищет поддержки в цитатах авторов, так или иначе высказывавшихся о колонизации, чем строит собственную теорию колонизационного развития. При этом автор более склонен к литературно-журналистскому пониманию колонизации. Кстати, такой подход не совсем уж стоит откидывать как ненаучный: он позволяет взглянуть на неё глазами её "неучёных" участников. Говоря о Дальнем Востоке как о "колонии присутствия", мы сразу вышли за пределы построений Эткинды. То что Дальний Восток – колония не вызвало никаких возражений. О хищнически-эксплуатационном отношении метрополии к колонии как крайне не способствующем его освоению, тем более развитию, говорилось достаточно много. Современное состояние Дальнего Востока не исключение. Здесь можно отметить, что понимание метрополия – колония претерпело существенную деформацию (неоколониализм). Теперь у колонии может быть не одна метрополия. Кроме метрополии де-юре есть метрополия де-факто. Данная тенденция проявилась ещё с конца XIX в. и усилилась в XXI. Так, в колонизируемом крае экономическую выгоду извлекают все, кроме самих жителей этих территорий.

Продолжился круглый стол в стенах Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).

Л. Е. Бляхер (ТОГУ, Хабаровск) "вернул" обсуждение в область дискурсивной практики, указав, что пространством, по которому движется мысль Эткинда, выступает не физическое и даже не социальное пространство, но пространство дискурсивное, прежде всего, литературное, не явление, но его описание: не десятки фундаментальных исследований, но тексты Толстого и Гоголя, Канта и Бахтина. Механизмом, который, по мнению Эткинда, позволяет "взорвать" дискурс, деконструировать его и выступают современные концепции критики колониализма. Автор обращает свою деконструкцию, как и свои метафоры, к потенциальным носителям имперского и колонизаторского дискурса: именно они составляют субъект, осмысляют, структурируют. Именно это позволяет им эксплуатировать объект, который не пространство, но собственное население, через экзотизацию ставшее социальным и культурным иным. Смена исследовательской оптики и позволяет автору, вполне в духе идей деконструкции "разоблачить скрытые механизмы власти". И в этом контексте, с ориентацией на европейское научное сообщество и частично научное сообщество российских столичных центров, ориентированных на задачу объяснить Европе Россию, работа А. М. Эткинда точно попадает в цель. Сложности возникают в ситуации, когда текст попадает в аудиторию, не относящуюся к той целевой аудитории, которую описывает автор: проблема заключается именно в позиции наблюдателя, причём не технической или исследовательской, но физической, пространственной.

А. Н. Демьяненко (ИЭИ ДВО РАН, Хабаровск) указал, что концепция "внутренней колонизации" предложенная А. М. Эткиндом, представляет собой попытку приложения ряда установок зарубежной культурологии и антропологии (ориентализм, пост-колониализм) к осмыслению российской истории, прежде всего, её имперского периода. Текст написан талантливо и ярко. Но и главное слово здесь – текст. Как указывал М. Киселёв, "неважно, что он пишет, а важно, как пишет". В этой связи показательно замечание Д. Уффельмана (на конференции "Внутренней колонизации России" в марте 2010 г. в Пассау), что многие докладчики "изучали не столько реальное, сколько семиотическое пространство". Ведя речь о российской колонизации в целом и о колонизации Дальнего Востока, следует иметь в виду, что со времён С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского российские (не путать с советскими) историки не делали различия между колонизирующими и колонизируемыми. Не сводили российские исследователи и колонизацию к хозяйственному освоению природных ресурсов, но рассматривали колонизацию как крайне сложный социальный феномен. И, следовательно, этот феномен требует не столько акцента на исследовании текстов (что само по себе важно и интересно), сколько на исследовании реальности, причём на платформе междисциплинарного синтеза.

Э. О. Леонтьева (ТОГУ, Хабаровск) обратила внимание на то, что заявленная А. Эткиндом попытка сделать колонизацию универсальным объяснительным концептом вызывает сомнения, как и всякая попытка построения универсальных моделей. Если признаки колонизации есть везде, и мы можем любой исторический процесс проинтерпретировать в таких терминах – что это даёт для объяснения сущности и смысла происходящего конкретно здесь – например, на Дальнем Востоке? По сути, весь объёмный и красочный текст – это разнообразные иллюстрации тезиса о том, что "колониальные отношения пронизывают все социальные тела", и все страны, народы и культуры представляют собой продукт колонизации, которая меняет лики с внутренней на внешнюю и наоборот. Другая любопытная идея Эткинда – ступенчатости колонизации и её делегирования от колонизаторов к колонизируемым (как в примере с планом Уварова об Азиатской Академии и его идеи о колонизации Востока). Она в итоге смыкается с идеей амбивалентности внутренней и внешней колонизации и теряет свою, казалось бы, продуктивную для определённых целей линейную направленность. Если колонизируемый и колонизатор – это один и тот же субъект, который к тому же свои действия направляет на самоё себя, то идея ступенчатости и делегирования колонизации, которая могла бы быть проинтерпретирована, например, (как частный случай) в терминах "культурного миссионерства", теряет смысл.

Как отметила О. А. Симоненко (ТОГУ, Хабаровск), А. Эткинд называет Россию ресурсозависимым государством, полагая, что элиты могут эксплуатировать ресурсы практически без участия населения. Если труд людей не нужен для создания значимых социальных институтов, то он и не ценится. Элиты же могут воспользоваться социальными институтами другого государства, так называемого "трудозависимого". Само население оказывается избыточным, особенно если оно настаивает на обещанных благах медицины и образования. Если дело касается материальных благ, то возникающее недовольство можно сгладить некоторыми "рациональными аргументами" в виде крошек от ресурсного пирога, к тому же представить этот процесс в виде почти незаслуженного благодеяния. Но если ценностные протесты и соответствующие требования принимают осязаемый вид, то выглядят они как аномалия в глазах элиты и большей части общества. Элита пытается не замечать и "рационализировать", свести всё к разговорам о социально-экономической неустойчивости, а большая часть населения дистанцируется от возмутителей спокойствия, не столько не разделяя их взглядов, сколько опираясь на убеждение, что их реальная жизнь будет проще и безопаснее, если её провести подальше от ресурсозависимого государства с его патерналистской опекой и стремлением к контролю.

Можно видеть, что комментаторы обращали большое внимание на форму, которую избрал А. Эткинд для подачи своих идей. Эта форма оказалась неожиданно нетрадиционной для отечественного обществоведения, стремящегося (хоть и всегда достигающего) к научной строгости изложения. Концептуальный и понятийный аппарат Эткинда также подверглись суровой оценке, центральное понятие внутренней колонизации, по мнению дальневосточных исследователей, внутренне противоречиво и не может описать, например, дальневосточную реальность.

Барбенко Я. А. Круглый стол "Возможна ли "колонизация" пространства?"

Barbenko Ya. A. Round table "Is it possible "to colonize" a space?"

Для цитирования: Барбенко Я. А. Круглый стол "Возможна ли "колонизация" пространства?" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 173–176. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/173-176

For citation: Barbenko Ya. A. Round table "Is it possible "to colonize" a space?" // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 173–176. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/173-176

